

FACTORS OF SEMIOGENESIS (PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC ANALYSIS)

N.V. Ivanov

Moscow State Institute of International Relations (University).
76, Prospekt Vernadskogo, 119454 Moscow, Russia

Abstract. *The article deals with the philosophical and cognitive criteria of the evolution of the sign (semio genesis), growing from signal to symbol and further to the sign in Language. The article aims to reveal not only differences among the three semiotic forms, but also their common and generic features. As a common philosophical criterion, to define generic feature of all evolutionary semiotic forms and to explain the principle of the inner relationship between the form and the meaning in them, category of otherbeing (inobytié) is used. The cognitive analysis, which deals with the differential features of the evolutionary semiotic entities, is developed on the base of the categories of identification and interpretation. The both functions, the identification and the interpretation, correlate with each other differently in signal, in symbol and in conventional sign of Language. The transition from one function to another characterizes the essence of the speech actualization of the sign in the process of semiosis. The only functional condition, that remains common and unchangeable in all kinds of sign, is the transition to the otherbeing. The otherbeing (whatever its functional perspective) represents the phenomenology of the sign in speech. The article may be interesting for the specialists in philosophy, semiotics and general linguistics.*

Key Words: *semio genesis, semiosis, signal, symbol, sign in Language, otherbeing, identification, interpretation*

For citation: Ivanov N.V. 2020. Factors of Semio genesis (Philosophical and Linguistic Analysis). *Philological Sciences at MGIMO*. Vol. 6. No 4(24). P. 5–13. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-5-13>

ФАКТОРЫ СЕМИОГЕНЕЗА (ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

Аннотация. *Статья направлена на выявление философских и когнитивных критериев знаковой эволюции (семиогенеза) от сигнала к символу и, далее, к языковому знаку. Автор стремится показать не только различия между тремя эволюционными видами знаковости, но и то общее, что их объединяет, составляет их родовую основу. В качестве общего философского критерия*

используется категория инобытия. На этой основе устанавливаются общие признаки трёх эволюционных форм знаковости. В части когнитивного критерия привлекаются категории идентификации и интерпретации. На этой основе постулируются дифференциальные признаки рассматриваемых форм. Функции идентификации и интерпретации по-разному соотносятся друг с другом в сигнале, символе и условном языковом знаке. Переход от одной функции к другой характеризует узуальную/речевую актуализацию знака в процессе семиозиса. Незменным в любом виде знаковости остаётся общее функциональное условие семиозиса, которым является переход к инобытию. Инобытие (в любом ракурсе) составляет вершину феноменологии знака. Статья может быть интересна специалистам в области семиотики, философии языка, общего языкознания.

Ключевые слова: семиогенез, семиозис, сигнал, символ, языковой знак, инобытие, идентификация, интерпретация

Для цитирования: Иванов Н.В. 2020. Факторы семиогенеза (лингвофилософский анализ). Филологические науки в МГИМО. Том 6. № 4(24). С. 5–13. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-4-24-5-13>

Основными эволюционными видами знаковости в семиотике принято считать знак-индекс, иконический знак и языковой знак [15, с. 153-162], [9, с. 130-135]. Мы для именованя тех же семиотических сущностей будем пользоваться традиционной терминологией, называя их, соответственно, сигнал, символ и языковой знак. Первый можно назвать физическим знаком: в нём содержание и форма понимаются как последовательно сменяющие друг друга феномены, события. Вторым (символ) можно назвать образным знаком: в нём форма стремится быть подобной содержанию и превращается в образ, который налагается на реальную картину мира, подменяет собой последнюю, но при этом служит более точному и глубокому её пониманию. Третий (языковой знак) стоит на вершине знаковой эволюции и характеризуется как условно обозначающий знак: в нём нет ни физической (реальной), ни образной (мнимой) связи между формой и содержанием. Эту связь принято называть произвольной [11, с. 101]: два её аспекта несоизмеримы по своей природе. Поэтому её ещё называют абсолютной, диалектической. В настоящей статье проводится общий философский и когнитивный анализ трёх форм знаковости.

Категория инобытия в анализе форм знаковости

Эффективным общим критерием метафизической интерпретации знакового отношения в сигнале, в символе, в знаке является категория *инобытия*. Инобытие означает бытие в другом, как другое или через другое. Данную категорию в научный обиход философии впервые ввёл Г.В.Ф. Гегель – как один из способов объяснения диалектики взаимного отрицания парных категорий, из которых он выстраивал здание своей философской системы. В частности, с помощью этой категории Гегель характеризует отношение формы к содержанию [6, с. 229].

Инобытие отменяет (отрицает, превосходит) собственную природу вещи в её наличной данности. Природу, вслед за Гегелем, мы понимаем как единство сущности и её бытия (вся полнота необходимого определения сущности в аспекте бытия) [6, с. 424]: природа = сущность + бытие. В семиотическом представлении бытие вещи заменяется инобытием (в аспекте формы): сущность + бытие/инобытие... Привычные очертания необходимой формы бытия вещи сменяются очертаниями инобытия, лишёнными необходимого значения с точки зрения сущностного определения вещи. Инобытие не-онтологично, *внесущностно*. При этом происходит видимое *перерождение* вещи, вещь как бы выходит за рамки своей природы, вторгаясь в сферы, превышающие необходимую форму её бытия. Вещь сущностно остаётся сама собой (в реальной данности или в идеально-знаковом представлении), но при этом *одновременно* – реально или потенциально – выступает как нечто другое.

Данное перерождение, наблюдаемое в семиотическом представлении, трактуется как *семиозис*. *Отчуждение* действительной природы вещи – основная черта семиозиса (в предельно общем его понимании). Семиозис = сущность + инобытие. Это мы понимаем как предельно общее категориальное определение семиозиса.

Вместе с семиозисом у человека рождается уникальная, отличающая его от всех других существ, способность *разумного* понимания внешней реальности (её понимания в мыслительных формах). В этом можно видеть высшее познавательное предназначение семиозиса.

Важно различать степени или виды отчуждения – виды инобытия. Принципиальным образом возможны два вида инобытия: относительное и абсолютное.

Относительное инобытие – инобытие по становлению. Вещь *становится* другой, *переходит* в *иное* состояние: в новом состоянии потенциально присутствуют признаки предыдущего, в предыдущем состоянии потенциально содержатся признаки нового. *Переходность* из одного состояния (бытия) в другое (иное бытие) – важнейший признак относительного инобытия. Ближе всего относительное инобытие раскрывается как причинно-следственное отношение.

В сфере относительного инобытия попадают все виды сигналов (знаков-индексов, как их называл Ч. Пирс). Связь между тем, что понимается как форма, и тем, что понимается как содержание, в сигнале устанавливается по принципу “physical connection”, как определял это Ч. Пирс [Ч. Пирс: 159]. Понятно, что становление в знаковой форме сигнала представлено в снятом виде, потенциально: мы видим одну материальную данность, за которой распознаём другую материальную данность. Так, например, в фигуре старика мы угадываем черты некогда молодого человека (старик = молодой), по окаменелостям угадываем признаки прошлой жизни животного (камень = живое существо). Или излюбленный пример семиотиков (к которому любил прибегать и родоначальник науки о знаках) [15, с. 162, 170]: связь дыма и огня, где дым интерпретируется как «знак» огня. Более точным, на наш взгляд, здесь было бы назвать дым *сигналом* огня. Противоположное или иное состояние вещи трактуют как «небытие» для исходного.

Важно понимать, что связь формы и содержания в сигнале, в конечном счёте, устанавливается воспринимающим. Вещь не сама по себе становится сигналом (знаком). Сигнал должен быть узнан или распознан субъектом, стать сигналом *для субъекта*, иначе его нельзя будет считать сигналом. Назовём это субъективной релевантностью сигнала. В сигнале реализуется рефлекторная операция восприятия. Выделяются безусловно-рефлекторная и условно-рефлекторная сферы сигнала. Обладающие развитой психикой высшие животные «учатся» узнавать окружающие их сигналы. Фонд условно-рефлекторных сигналов у высших животных достаточно велик. В общении между собой животные также издают сигналы: сигналы агрессии, влечения, неприязни, удовольствия, отвращения и т. д. Высшие сигналы являются выражением условно-рефлекторной реакции животного. Разница между воспринимаемыми и порождаемыми сигналами не имеет принципиального значения.

Абсолютное инобытие характеризует отношение между формой и содержанием в символе и в знаке – семиотических сущностях, которые образуются либо иконическим, либо условным путём. При абсолютном инобытии невозможно говорить о каких-либо признаках становления, переходности от содержания к форме (равно как и обратно, от формы к содержанию). В знаковое отношение вступают объекты принципиально разной, *несоизмеримой* природы, между которыми невозможна физическая связь. При этом собственное бытие каждого из вступающих в знаковую связь объектов теряет свою релевантность: каждая из сторон знакового отношения теперь релевантна *исключительно* в своём *бытии-как-другое*, то есть в своём инобытии: форма живёт по законам содержания, а содержание – по законам формы. Любые свойства формы или содержания, превышающие масштаб их отношения друг к другу в знаке (в символе), нерелевантны. Данное свойство символа и знака мы считаем универсальным и определяем его как «*ненастоящность бытия*» [7, с. 33-34]: лишь в своём *ненастоящем* бытии объект может мыслиться как сторона знакового отношения.

Эффект *ненастоящности* бытия можно видеть в самых различных семиотических сущностях. Наглядным примером здесь является метафора, где обозначаемый объект в своих зна-

чимостных чертах уподобляется образу, как бы «ведёт» себя как образ, но и образ ограничен в своём «поведении» семантикой объекта. Образ не может быть, то есть оставаться самим собой, без предметно-семантического обоснования (см.: [14, с. 76]). Аналогия между образом и объектом в метафоре, как и в любой другой символической форме, носит взаимный характер. Обозначаемый объект подчинён образу по смыслу, образ подчинён обозначаемому объекту референциально. Взаимное подчинение образной и прямой номинаций хорошо выявляется в переводе. Так, португальская пословица «*doença é celeiro do médico*» дословно переводится как «*болезнь – это амбар для врача*». Конечно, буквальное значение «амбар» в русском переводе звучит непонятно. Но нужно понять коннотативную окраску португальского слова «*celeiro*». Это значит «*накопленное добро*», «*достаток*». В переводе этой пословицы на русский язык можно уйти от образности и использовать слово общей семантики: «*/чужая/ болезнь – это доход для врача*». «*Доход*» – это прямое наименование того, что в португальской пословице обозначается образным словом «*celeiro*». В переводе переводчику нередко приходится отказываться от первичных образных признаков переводимых элементов и оставлять лишь голое, лишённое экспрессивных окрасок прямое значение. Среди переводчиков это называется «перевод по смыслу». Конечно, в качестве варианта перевода можно использовать и русское образное слово с близкими коннотациями: «*болезнь – это хлеб врача*». В метафоре (как и в других символах) дублирующие друг друга по сходству образное и референциальное значения стоят в оппозиции друг другу. Называя человека словом *эпоха*, мы подчёркиваем его историческую значимость в какой-то области, масштаб сделанного им. Но не только «*человек*» возвышается до уровня «*эпохи*», но и «*эпоха*» связывает себя семантическими рамками понятия «*человек*». Оба аспекта знакового отношения в символе, по меткому выражению Ж. Бодрийера, «*инвестируют*» друг в друга. Ж. Бодрийер в полной мере эксплуатирует здесь семантику французского слова «*investir*»: «*вкладывать капитал*»; «*атаковать*». Здесь присутствует и намёк на глубинную семантику латинского корня «*vest*», дающего начало многим словам в романских языках, имеющим отношение к одежанию, облачению [3, с. 72]. Х.-Г. Гадамер отмечает «прирост бытия» в символической структуре метафоры [5, с. 188].

В языковом знаке также присущий ему семантико-грамматический комплекс должен отображать и раскрывать свойства обозначаемого объекта. В языковом обозначении мы ищем, с одной стороны, насколько семантика знака соответствует картине мира, а с другой стороны, – насколько картина мира отвечает семантике знака. Так, в португальском языке глаголы *ajudar* (помогать), *aconselhar* (советовать), *impedir* (препятствовать), *recusar* (отказывать кому-то в чём-то или отказываться от чего-то) в своём наиболее частотном узусе имеют прямое управление (что соответствует винительному падежу в русском языке, ср.: *помогать кого-то**, *советовать кого-то**, *препятствовать кого-то**, *отказываться/ся что-то**). В русском и в ряде других языков аналогичная семантика передаётся через дательный падеж или предложную форму. Условность грамматики осознаётся нами, когда мы сравниваем её с грамматикой другого языка. Какая из грамматик «правильно» отображает мир? Грамматика языка отвечает картине мира или картина мира – семантическим критериям грамматики? Думается, вопросы эти лишены смысла. Каждый язык «видит» мир по-своему. Вопрос должен быть поставлен иначе: препятствует ли (помогает ли) категориальный априоризм грамматики истинному пониманию мира?

«Ненастоящность» является сущностной чертой символической знаковости. Именно в этом значении употребляется термин «символический», когда говорят, например, о символическом внимании, символическом приветствии или уважении: это ненастоящее внимание или уважение, но вместе с тем это определённым образом значимое внимание, значимое уважение. Абсолютное инобытие – это в полном смысле слова символическое, «ненастоящее» бытие объекта. В любом символе мы видим ненастоящее изображение настоящего. Его можно также назвать неистинным, неподлинным бытием. Объект символически (то есть ненастоящим образом) «присутствует» в знаковом представлении. Удачным в данном контексте представляется термин Ж. Бодрийера – «симулякр». Имеется в виду, что в опыте символической связи одно присутствует в другом как «кажимость» (подобно «призраку»).

Абсолютное инобытие – не внешняя данность, постигаемая опытным чувственным путём. Оно отсутствует в *природе* вещи (напомним: что речь именно идёт о том, что вещь *отрешается*, отчуждается от своей природы), противостоит природе. Поэтому оно исключительно антропогенно (изобретено человеком) и в силу этого же обстоятельства определяется как *искусственное* бытие. Критерием искусственности выступает ненастоящность бытия – бытие «не-по-природе». В силу этого же обстоятельства данное бытие исключительно культурогенно. Культура противостоит природе по параметру принципиальной неестественности, искусственности своих объектов. В абсолютном инобытии мы видим принцип рождения культуры.

В сферу культурной знаковости, в сферу исторического семиогенеза попадает все разнообразие видов культурно-символических форм: все возможные формы искусства, культурно обусловленные формы поведения, нравственные и ценностные общественные предрассудки, ритуалы, мифологические, религиозные и фольклорные образы, все виды языковых обозначений (от частей речи до языковой идиоматики). Создать более или менее полную типологию этих форм на данный момент не представляется возможным ввиду чрезвычайной многоплановости релевантных признаков, по которым может проходить их описание. Именно на это внутренне противоречивое разнообразие указывал А.Ф. Лосев, предостерегая других исследователей от попыток односторонней интерпретации символа в какой бы то ни было области культурной жизни или искусства [8, с. 65-66].

Если говорить о количественном соотношении сигналов и знаков в опыте человека, то мы считаем, для человека в окружающем мире сигналов на порядок больше, чем знаков. Человек существует в мире сигналов. Сигналы – это всё бытие человека. Человек реагирует на окружающие его сигналы, часто не отдавая себе в этом отчёта, машинально. Сигнал произволен, естественен, не требует сознательного усилия. Знак, наоборот, требует сознательного усилия. Человек в своём сознании постоянно «мигрирует» из мира сигналов в мир знаков и обратно.

Методологическую опасность представляет неразличение сигналов и знаков, в основе которого лежит неразличение двух видов инобытия. В конечном счете, именно оно приводит к метафизической редукции высших форм знаковости к низшим: свойства символа и знака описываются через свойства сигнала, а не наоборот. Понятие семиогенеза лишается эволюционных критериев. В итоге любая внешняя относительность, любая связь формы и содержания в объектах природы может провозглашаться как знаковая. Характерным примером такого семиотического редукционизма в лингвистике является теория языка Л. Блумфилда. В основу языка Л. Блумфилд кладёт психофизиологическую механику отражения по принципу «стимул – реакция». Исходя из этого и структурное описание языка строится по формальной модели «непосредственных составляющих». Сам Л. Блумфилд называет свою теорию языка «материалистической» и «механистической», выдвигая на первый план «причинно-следственное отношение» [2, с. 47].

Имея в виду всё сказанное выше, поставим вопрос: какому из двух видов инобытия – относительному или абсолютному – должна отводиться роль метаязыка семиотического описания? (1) Абсолютное инобытие должно интерпретироваться в терминах относительного, или, наоборот, (2) относительное инобытие должно интерпретироваться в терминах абсолютного? В каком из случаев мы говорим о подлинно семиотическом подходе к объекту, о семиотической интерпретации реальности? Вариант (1) подразумевает метафизическую редукцию высшего к низшему. Вариант (2) предполагает возможность семиотического перевыражения низшего в терминах высшего, представляя собой реализацию собственно семиотического подхода. Семиотический подход допускает рассмотрение низшего с точки зрения высшего, но не наоборот. Признаки абсолютного инобытия являются ведущими, сущностными в интерпретации семиотической реальности (даже если объект, рассматриваемый как семиотический, сам по себе не является знаком, выражая тот или иной способ необходимой связи формы и содержания). Мы можем интерпретировать сигнал как знак, и это будет выражением семиотического подхода. Напротив, интерпретация знака как сигнала (то есть как варианта необходимой причинно-следственной связи) нарушает принципы семиотического анализа, знаменует собой утрату семиотического метода.

Критерии идентификации и интерпретации в формах знаковости

В любом виде знаковости знаковое отношение распадается на два аспекта или две функции: функцию знакового замещения и функцию идентификации. Последнюю можно также назвать функцией референции, поскольку она характеризует отнесённость знака к объекту. Форма-означающее, с одной стороны, замещает собой содержание-означаемое, но при этом, с другой стороны, она же служит идентификатором этого самого содержания (то есть посредством неё мы узнаём и понимаем с той или иной степенью точности то, о чём идёт речь). Первую можно назвать материальной функцией знаковой формы, вторую – идеальной функцией формы. С одной стороны, знак должен быть эквивалентен тому, что с его помощью обозначается и что, таким образом, составляет его содержание, с другой, он должен быть содержательно адекватен обозначаемому.

Категория инобытия охватывает оба аспекта знакового отношения и помогает установить общие критерии эволюции форм знаковости в процессе семиогенеза.

В каждом из своих аспектов, материально и идеально, знак уподобляется объекту: как эквивалент (материальная замена объекта) и как *интерпретатор* объекта. Заметим, что удельное соотношение материального и идеального уподобления в знаке в процессе семиогенеза неуклонно меняется, причём, меняется не в пользу материального, а в пользу идеального.

В идеальном аспекте знакового отношения в процессе семиогенеза рождается феномен интерпретации. Впрочем, первоначально в сигнале функция интерпретации всё ещё не отличена от идентификации объекта и составляет с ней единое целое. Лишь постепенно, при переходе к символу, функция интерпретации начинает всё больше обособляться от функции идентификации и играть самостоятельную роль.

Сигнал, простейший знак, основан на причинно-следственном отношении формы и содержания, где одно наступает после другого и понимается как следствие этого другого. Уже в сигнале зарождается по сути идеальное представление о причинно-следственной мотивированности формы. Моменты, которые в своём физическом качестве не могут быть даны одновременно, объединяются в едином ментальном представлении. Мы угадываем, что стоит за знаковой формой: что было до неё или что будет после неё. В красках заката мы угадываем признаки завтрашней погоды, в движении подсолнуха мы угадываем движение солнца, цвет лица выдаёт нам физическое или психическое состояние человека, сила и тембр голоса показывает эмоциональную реакцию человека, дым говорит о вероятном присутствии огня, за командой командира («стой!», «шагом марш!») стоит действие, которое должен осуществить солдат и т. д. Это простейший вид интерпретации – эксплицирующего типа. Одна сторона знака-сигнала эксплицирует другую: если есть одно, то должно быть другое. Связь сторон понимается как необходимая. Сигнал «приучает» нас к некоторому порядку логических взаимосвязей в воспринимаемом мире. Однако дальнейшего развития интерпретация в сигнале не получает, мы видим в нём лишь мотивационное причинно-следственное указание: одна сторона знака указывает на другую. Две функции идеальной стороны знака-сигнала составляют единое целое.

В символе, где форма иконически (миметически) относится к своему содержанию, являясь (в представлении субъекта) его более или менее полным и совершенным изображением, удельный вес интерпретации в структуре знакового отношения заметно увеличивается. Однако и здесь, в силу принципиального иконизма символа, интерпретация всё ещё существенно отягощена формой и имеет главной своей задачей идентификацию объекта. Сама форма символа (образ) служит непосредственным интерпретатором обозначаемого объекта¹.

Символ подменяет объект собственным изображением, привносит свойства собственной семантики в понимание объекта. При наложении семантики символа на реальную картину мира

¹ Логический анализ метафоры предполагает выделение общего двум сравниваемым семантическим сущностям внешнего смыслового «интерпретатора», именуемого «третьим сравнения» (*tertium comparationis*). Однако логический подход перестаёт работать, когда мы изучаем поэтическую метафору, где образ нередко «отрывается» то реального объекта, начинает жить собственной жизнью, подавляет реальный объект. Такой точки зрения придерживается, в частности, А. Вежицка: «Все метафоры эллиптичны. Для экспликации метафоры нужны два элемента, а не три» [4, с. 149].

открываются дополнительные присущие и приписываемые реальности (посредством символа) смыслы. Эти смыслы, с одной стороны, объективны, поскольку характеризуют какие-то свойства объекта, но с другой стороны, они – результат применения символа. Сама картина мира в прямом её понимании не способна в едином целостном представлении показать свои значимые смыслы. Прямая номинация объекта «проигрывает» символу в смысловой эффективности. «Прямое именование не удовлетворяет говорящего в силу своей смысловой недостаточности. Смысловая недостаточность собственного наименования компенсируется за счёт образного лексического элемента, используемого во вторичной номинативной функции» [14, с. 55]. Что касается сложных описательных образов, А.А. Потебня подчёркивал смысловую ёмкость пословиц, дающих «... возможность замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [10, с. 100].

В символе верх берёт образная интерпретация объекта. Важно отметить, что в этом типе интерпретации в отличие от предыдущего частично разрывается необходимая взаимообуславливающая связь моментов формы и содержания. Она становится односторонней: эта связь остаётся необходимой и мотивированной лишь в том, что касается идентифицирующей способности символа в отношении объекта. В части образной интерпретационной функции символ свободен и не несёт никаких смысловых «обязательств» перед объектом.

Как показывают исследования, символ в своём интерпретационном развитии может частично утрачивать объективную похожесть и «отрываться» от реального объекта. Впрочем, полная потеря связи с объектом губительна для символа, он утрачивает свои образные свойства, перестаёт быть символом; «избавившись» от объекта, символ рискует потерять качество образности [1, с. 136]. Интерпретационная функция в символе может развиваться сколь угодно далеко, но не за счёт потери идентифицирующей способности по отношению к объекту. При любых условиях мы должны узнавать в символе реальный объект. Понимание всякого образа (любого по своей глубине и нарративной развёрнутости) должно заканчиваться узнаванием реального объекта (см.: [14, с. 74]). Символ подчинён реальному объекту семантически (в конце концов, он используется как средство обозначения и понимания внешней реальности), реальный объект находится во власти символа по смыслу. Интерпретационная свобода символа ограничена: она не может выйти за рамки функции объективной идентификации.

Исследования, характеризующие содержательную структуру символа, показывают, что в символе разворачивается борьба, конкуренция инобытия с бытием – образа с реальным объектом, косвенного понимания и обозначения с прямым пониманием и обозначением объекта. Символ, реализуя в себе механизм образного «остранения», затрудняет узнавание объекта, вытесняя возможное прямое именование объекта из области референции. Но он, проходя через все смысловые перипетии интерпретации, неизменно возвращает нас к этому самому объекту, усиливая эффект узнавания. Чем труднее форма символа, тем ярче и глубже узнавание истинного объекта. Об этом пишет В.Б. Шкловский, вспоминая своего учителя А.Н. Веселовского [13, с. 15].

Говоря о разделении функций идентификации и интерпретации в идеальной стороне знака, при переходе от сигнала к символу в процессе семиогенеза, мы противопоставляем друг другу метафизику и феноменологию знака, устойчивое необходимое и случайное в нём.

В языковом знаке, действующем исключительно по принципу прямого обозначения реальности, устанавливается относительный когнитивный баланс между априорной категориальной и реальной феноменологической семантикой, между языковым значением и референцией. Языковая форма знака (фонетическая и частично морфологическая) теряет своё когнитивное влияние. Но за этой формой стоит высоко устойчивая языковая семантика (лексическая и грамматическая), которая заявляет о себе в процессе понимания мира. Мы говорим об априоризме языковой семантики, о «структурном априоризме языка»² в опыте понимания мира, в акте референции. Что к чему приспособливается в акте языкового обозначения: языковая семантика к видимой или

² О языковом априоризме как об универсальной категории говорит М.Н. Федулова, противопоставляя друг другу структурный и дискурсивный аспекты языкового априоризма [12, с. 79, 86-87].

представляемой внешней реальности или внешняя реальность к языковой семантике? Языковая семантика составляет наличный когнитивный потенциал понимания мира в языке. Человек не может перешагнуть через границу этого потенциала и отказаться от него: в мире можно понять только то, что позволяет понять наличный семантический ресурс языка. На этой основе возникает эффект так называемой «языковой картины мира». От чего больше зависит истина понимания: от внешней акциденции или от внутреннего структурного и семантического априоризма языка? В принципе мы здесь возвращаемся к старому спору стоиков и александрийских грамматистов о преобладании аномалии или аналогии в языке.

В акте обозначения в языковом знаке в части идентификации победу одерживает семантический языковой априоризм, а в части интерпретации (дальнейшего содержательного развития) первенствует контекстуальная сторона, за которой стоит и всё шире открывается внешняя реальная ситуация. Таким образом, в языковом знаке в его речевой актуализации не идентификация верифицирует интерпретацию (как в символе), а интерпретация (то есть ситуационная феноменологическая сторона понимания) верифицирует первичную языковую (в целом условную) идентификацию объекта. В символе за всеми его интерпретационными смысловыми нагромождениями человек должен в итоге узнать объект – понять, о чём идёт речь. В языковом знаке я использую условное обладающее априорной языковой семантикой обозначение, когнитивная правильность и адекватность которого объекту будет проверена дальнейшим контекстным развитием содержания.

Таким образом, вектор перехода от содержательной метафизики к содержательной феноменологии в семиозисе символа и знака внутренне меняется. В семиозисе символа процесс понимания развивается от интерпретации к идентификации, где образный смысловой интерпретатор предзадан и предшествует узнаванию объекта. Идентификация объекта в символе выполняет феноменологическую функцию, являясь вершиной понимания. В семиозисе языкового знака процесс понимания развивается от идентификации к интерпретации, где идентификация, представленная условным языковым обозначением, служит относительно неизменной, метафизической стороной понимания. Вершиной понимания служит смысловая интерпретация языкового семантического идентификатора, которая открывается посредством его контекстной обусловленности. Контекстуальная феноменология становится вершиной понимания обозначаемого языковым знаком объекта. В символе референция верифицирует смысл (интерпретацию). В языковом знаке интерпретация (смысл) верифицирует референцию.

Таким образом, мы видим, развитие знаковости (семиогенез) идёт по пути ослабления и деградации функции замещения – материальной стороны знака, которая становится всё более условной и формальной. Вместе с этим, усиливается роль идеальной стороны знака, реализующей процесс понимания, которое становится всё более чистым, полным, адекватным, а также внутренне дифференцированным, поскольку в нём всё больше различаются и расходятся метафизическая и феноменологическая стороны. Чем сильнее роль функции замещения, тем слабее идентифицирующие возможности знаковой формы. И напротив: чем слабее функция замещения, тем шире и полнее возможности понимания стоящего за ней означаемого.

На вершине эволюции стоит интерпретационная способность знака, которая достигает высшей степени свободы в языке.

© Иванов Н.В., 2020

Список литературы

1. Барбазюк В.Ю. Смысловое развитие метафоры в текстах различных жанров: семиотический и синергетический аспекты интерпретации. – Диссертация на... кандидата филол. наук. М., 2013. 180 с.
2. Блумфилд Л. Язык. М.: изд. «Прогресс», 1968. 607 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Вежбицка А. Сравнение – градация – метафора.// Теория метафоры (сборник). М.: Прогресс, 1990. С. 133-152.
5. Гадамер Х.-Г. Истина и Метод. (основы философской герменевтики). М.: Прогресс, 1988. 740 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Наука Логики.// Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 452 с.

7. Иванов Н.В. Символическая функция языка в аспектах семиогенеза и семіозиса. Диссертация на ... доктора филол. наук. М., 2002. 377 с.
8. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 350 с.
9. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура (курс лекций). М.: изд. центр «Академия», 2004. 432 с.
10. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка.// Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990. С. 55-131.
11. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.// Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–285.
12. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникативном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики). Диссертация на... доктора филол. наук. М., 2020. 315 с.
13. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 383 с.
14. Шнякина К.В. Дискурсивная динамика образных форм в языке и тексте (семиотический анализ английских и русских пословиц и метафор). - Дисс. на соискание... к.ф.н. М., 2010. 163 с.
15. Peirce Ch. S. Elements of Logic.// Collected papers. Vol. II. – Cambridge (Mass): Harv. Univ. Press, 1965. 535 p.

References

1. Barbaziuk, V.Yu. *Smyslovoe razvitiye metafory v tekstakh razlichnykh zhanrov: semioticheskiy I sinergeticheskiy aspekty interpretatsii* [Semantic development of metaphor in texts of different genres: semiotic and synergetic aspects of interpretation]. – Dissertatsiia... kandidata filol. nauk. М., 2013. 180 s.
2. Bloomfield, L. *Yazyk* [Language]. М.: изд. "Progress", 1968. 507 s.
3. Baudrillard, J. *Symvolitcheskyy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. М.: Dobrosvet, 2000. 387 s.
4. Werzbicka, A. Sravneniye – gradatsiia – metafora [Comparison – gradation – metaphor] // *Teoriia metafory* (sbornik) [Theory of metaphor (collection)]. М.: Progress, 1990. S. 133-152.
5. Gadamer, H.- G. *Istina i Metod (osnovy filosofskoy germeneytiki)* [Truth and method (basics of philosophical hermeneutics)]. М.: Progress, 1988. 704 s.
6. Hegel, G.W.F. *Nauka Logiki*. [Science of Logic] // *Entsyklopediia filosofskikh nauk*. T.1. М.: Mysl', 1974. 452 s.
7. Ivanov, N.V. *Symvolitcheskaya funktsiia iazyka v aspektakh semiogeneza I semiosisa* [Symbolic function of language in the aspects of semiogenesis and semiosis] Dissertatsiya na... doktora filol. nauk. М., 2002. 377 s.
8. Losev, A.F. *Problema symvola I realisticheskoye iskusstvo* [The Problem of symbol and realistic art]. М.: Iskusstvo, 1976. 350 s.
9. Metchkovskaya, N.B. *Semiotika: Iazyk. Priroda. Kultura* (kurs lektsiy) [Semiotics: Language. Nature. Culture. (course of lectures)]. М.: изд. tsentr "Akademiya", 2004. 432 s.
10. Potebnya, A.A. Iz lektsiy po teorii slovesnosti. Bsnia. Poslovitsa. Pogovorka [From the lectures on philology. Fable. Proverb. Saying] // *Potebnya A.A. Teoreticheskaya poetika* [Potebnya A.A. – Theoretical poetics]. М.: Vysshaya shkola, 1990. S. 55-131.
11. Saussure, F. de. Kurs obshchey lingvistiki [The Course of general linguistics] // *Saussure F. de. Trudy po iazykoznaniiu* [Saussure F. Works of linguistics]. Moskva: Progress, 1977. P. 31–274.
12. Fedulova, M.N. *Interpretatsionnaya priroda dikursa v sotsiokulturnom i kommunikativnom izmereniyah (na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoy ritoriki)* [The interpretational nature of discourse in sociocultural and communicative aspects (on the material of English and Russian texts of legal rhetorics)]. М., 2020. 315 s.
13. Shklovskiy, V.B. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. М.: Sovetskiy pisatel', 1983. 383 s.
14. Shnyakina, K.V. *Diskursivnaya dinamika obraznykh form v iazyke i tekste (semioticheskiy analiz angliyskikh i russkikh poslovits i metaphor)* [Discourse dynamics of imaginative form in language and text (semiotic analysis of English and Russian proverbs and metaphors)] Dissertatsiia ... kandidata filol. nauk, М., 2010. 163 s.
15. Peirce, Ch. S. Elements of Logic.// *Collected papers*. Vol. II. Cambridge (Mass): Harv. Univ. Press, 1965. 535 p.

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: теория перевода, семиотика, семантика, теория коммуникации, грамматика португальского языка.

Email: e-nickma@mail.ru

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

About the author:

Nicolay Viktorovitch Ivanov – Doctor in linguistics, Full Professor, Chief of Roman Languages Department, MGIMO University (Moscow, Russia), Spheres of scientific interest: theory of translation, semiotics, semantics, theory of communication, Portuguese grammar.

Email: e-nickma@mail.ru

Conflicts of interest: The author declares absence of conflicts of interest.

* * *